





*Анастасия Шелест*

**ЗАКОН  
ТРЕСНУВШЕГО  
КОРЕШКА**  
ВЕЛИКАЯ  
БИБЛИОТЕКА



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Ш42

Дизайн обложки и иллюстрации на форзацах  
*Миланы Корягиной*

**Шелест, Анастасия.**

Ш42 Закон треснувшего корешка. Великая Библиотека / Анастасия Шелест. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Необъятные книжные миры).

ISBN 978-5-17-173112-0

Теодора и её друзья оказываются заперты внутри истории, которая разрушается у них на глазах.

Спасаясь от катастрофы, они попадают в Великую Библиотеку — место, где хранятся чужие судьбы и тайны, которые никогда не должны были быть раскрыты.

Библиотекари объявляют охоту на нарушителей, прошлое и настоящее переплетаются, и реальность начинает распадаться.

Академия рушится. Чем дальше Тея идёт за ответами, тем яснее понимает: некоторые истории не хотят, чтобы их читали.

Ей остаётся только одно: рискнуть финалом ради шанса на новый сюжет.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Анастасия Шелест, текст  
© Милана Корягина, дизайн  
обложки и иллюстрации  
© В оформлении использованы  
материалы по лицензиям  
© shutterstock.com  
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-173112-0



# 1

## BLURRY (out of place)



**М**ансов на мягкое приземление нет. Ноги едва держат. Стоит коснуться твердой поверхности, как колени подгибаются. Пальцы, вцепившиеся в мое плечо, дергают назад, но это не спасает. Я обрушиваюсь на пол, уткнувшись лицом в пыльный ковер, и что-то придавливает меня сверху. Живот сводит острой вспышкой боли. Я задышаюсь, уши закладывает, но даже сквозь писк до меня долетают вскрики:

— Тея!

Знакомые голоса — отрезвляющая пощечина, лучший анальгетик. Стиснув зубы, я глотаю болезненные стоны, выползаю вперед и вскакиваю на ноги.

От резкого движения кружится голова, но взгляд цепляется за встревоженные лица. Лора, Берт, Эрик. Я дергаюсь к ним, но на локте сжимаются цепкие пальцы, разворачивая меня.

Темный изумрудный взгляд вышибает воздух из легких. Бледная кожа едва проглядывает сквозь разводы пепла, грязи и крови. Русые волосы слиплись и спутались. Сквозь выпачканные пряди, спадающие на лоб, на меня смотрят безумные глаза.

— Пегасова мать! — Выругавшись, Марк тянет меня на себя. — Что ты наделала, птичка? Довольна? Какой смысл в такой смерти?

В голове пустота. Я устала. Дьявольски устала.

Тело решает воспользоваться моей неспособностью принимать решения. Не успев подумать, я замахиваюсь и

выбрасываю вперед руку. Кулак врезается в лицо Марка, и он, явно не готовый к такому, падает обратно на ковер.

Кисть сводит секундной болью, но сознание не фиксируется на ней надолго. Я встряхиваю руку, разжав пальцы. Лора шумно выдыхает. Берт присвистывает. Голос Эрика заставляет обернуться:

— Отличный удар.

Ясно. Для похвалы нужно всего лишь врезать тому, кого Эрик на дух не переносит.

— У меня был хороший учитель. — Слова вырываются из меня хрипло и обрывисто. В горле першит.

Оборачиваться — плохая идея. Три выжидающих взгляда скользят по мне, взращивая позорное желание раствориться, но меня спасает возмущенный голос Марка:

— Правильно, Тея. Давай, прикончи меня, пока это не сделал огонь. Очень милосердно.

Пальцы дергаются, но во мне нет ни капли магии. Мотнув головой, я выдыхаю:

— Вырубите его во имя муз. У него нет сил сопротивляться.

— Что? — Марк поднимается и шагает ко мне. — Да какого черта, Тея? Я...

Он до меня не добирается. Эрик вскидывает руку, шевельнув пальцами, тело Марка падает рядом, и я перевожу дыхание. Проблему это не решает, но хотя бы избавляет от бессмысленных стенаний.

Нет больше никаких отвлекающих движений. Я расправляю плечи и, потеряв переносицу, медленно выдыхаю, но все равно не нахожу в себе сил посмотреть на друзей.

Они терпеливо ждут, но едва ли это продлится вечно. Секунду. Еще пару мгновений блаженного неведения.

Становится жарковато. На мгновение стыд приливает к щекам жаром. Эрик дергает ворот черной рубашки. Я опускаю голову и задыхаюсь от паники. По полу струится полупрозрачный, едва заметный дым.

Дерьмо. Это просто полное дерьмо.

— Что случилось, Тея? — настороженно протягивает Лора, отнимая у меня право молчать. — Что там происходит?

Что я должна им сказать? Как вообще о таком говорить? Простите, но мы все обречены? Я избавилась от Марка не для того, чтобы занять его место.

Последний шанс. Крошечная надежда.

Я закрываю глаза и старательно представляю охваченный огнем зал. Секунда. Две. Три. Ничего. Нам не вернуться.

Распахнув глаза, я заставляю себя поднять голову и, облизнув пересохшие губы, чеканю, сверля взглядом плечо Берта:

— Я вытащила их чертову богиню, но она оказалась не тем, кого они ожидали встретить. Она обещала мне, что поможет отомстить и спасти вас, но обманула. Артур мертв, как и куча других людей. В зале пожар. Огонь не потушить. Выходы перекрыты. Книга... — я сглатываю и, сдавшись, прикрываю глаза, — горит.

От звенящей тишины закладывает уши. Становится так душно, что я едва могу вдохнуть. Сил посмотреть на друзей не хватает. Пальцы сводит судорогой, и я выталкиваю из себя дрожащие, никому не нужные извинения:

— Простите. Мне жаль...

— Какого пегаса ты влезла в книгу? — яростно перебивает Эрик.

Проглотив остаток извинений, я поджимаю дрогнувшие губы. У него миллион поводов для обвинений. Наверняка он не остановится на одном упреке, но секунды текут, а Эрик молчит.

Все молчат. Тишина парализует, оседая на коже липким налетом. Я все еще не могу ни на кого посмотреть. Сверлю взглядом двойные деревянные двери за Бертом и боюсь шевельнуться, пока быстрый выдох не разбивает тишину. Голос Лоры становится тише:

— Дым. Теперь понятно. — Она вдумчиво кивает и запрокидывает голову. В серых глазах мелькает стальная решимость. — Что ж. Я была счастлива пройти этот путь с вами. Я горжусь нашей дружбой. Я и не мечтала найти более достойную причину для смерти. Погибнуть, защищая близких, — большая честь. Спасибо.

Поперек горла встает ком. Пальцы сводит, и я сжимаю их в кулаки, метнув взгляд на Лору, но на ее лице нет ни намек на сомнение. Она смотрит на меня и улыбается.

Да о чем она, пегас меня раздери? Какая честь? Почему никто с ней не спорит? Почему никто не говорит, что мы выберемся? Почему они молчат?

Сдавленный выдох сжимает легкие. Пусть Эрик скажет, что она ошибается. Пусть цокнет, закатыт глаза, заявит, что у него есть план. Он же чертов умник-зануда! Он не должен сдаваться.

Эрик молчит. Сжимает кулаки и сверлит меня тяжелым взглядом. В нем можно прочесть столько всего, что я предпочитаю испуганно отвернуться.

— Да. — Берт медленно кивает, облизнув губы. — Я полностью согласен с Лорой. Кстати, давно хотел сказать. Думаю, момента лучше не предвидится. — Он поворачивается к Лоре, перехватывает ее руки и крепко сжимает их. — Я люблю тебя.

Глаза щиплет. Наверняка из-за дыма.

Лора приоткрывает рот и медленно выдыхает. Тишина не позволяет двинуться, но долго ей не продержаться — Берт нервно дергает подбородком и сбивчиво начинает:

— Ты прости, что все так сумбурно. Я, конечно, хотел бы сделать это красиво, но...

Смешок Лоры заставляет Берта захлопнуть рот. Он сконфуженно отворачивается, выпуская ее руки.

Лиловые губы вздрагивают. Лора не позволяет Берту отойти, перехватив его запястье, и качает головой, прикрывая глаза.

— Музы, ну наконец-то. Знала бы, что вытянуть это из тебя может только неизбежная смерть, давно бы нырнула в порванную книгу.

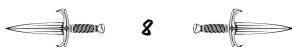
В груди зарождается нервный смешок, но резь в глазах усиливается.

Берт замирает и недоверчиво косится на Лору. Пока он ошарашенно моргает, Лора улыбается шире и поднимается на носочки. Она тянется к Берту, обнимая его за шею, а он испуганно распахивает глаза, но испортить все паникой не успевает.

Их губы встречаются, а у меня земля уходит из-под ног. Так не должно быть. Должно быть не так.

Не могу на них смотреть. У них должны быть еще сотни таких моментов. Счастливых, нежных, согревающих. Тысячи, а не жалкие крохи оставшегося у нас времени.

Пощатнувшись, я слепо пробираюсь к двери. Не хочу им мешать. Не могу видеть, как осознание неизбежного рано или поздно отразится на их лицах.



Никто меня не останавливает. Едва ли Берт и Лора вообще замечают мой трусливый побег, и я толкаю тяжелую дверь, попадая в коридор.

Длинный и узкий, он кажется бесконечным, а одинаковые деревянные двери с обеих сторон нависают, сжимая пространство.

Попшатнувшись, я врезаюсь плечом в стену, разворачиваюсь и утыкаюсь лицом в ладони. Ноги не держат, и я медленно сползаю на пол. Пальцы дрожат. Судорожные вдохи не помогают глотнуть воздух. В ушах разливается писк.

Это чушь. Бред. Абсурд. Это не может быть концом.

Я цепляюсь за растрепавшиеся волосы и стискиваю челюсти, но зубы все равно лязгают друг о друга. Едва ощутимая дрожь перерастает в тремор. Меня колотит. Я жмурюсь и кусаю губы до металлического привкуса во рту.

Пожалуйста! Если есть хоть какая-то сила, способная изменить этот кошмар, пусть она проявит себя. Я поверю во что угодно. Нам нужна помощь.

В плечи что-то впивается. Меня дергает вверх. Колени дрожат, но цепкая хватка удерживает в вертикальном положении, не позволяя вернуться в заманчивое отчаяние. Я слышу голос, но не могу разобрать ни слова, пока кто-то тянет мои руки вниз, отрывая их от лица.

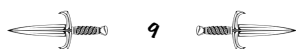
Стоит распахнуть глаза, как все вокруг поглощает спокойствие твердого карего взгляда. Эрик встряхивает меня за плечи и требовательно, по слогам произносит:

— Дыши медленно. Давай. Приходи в себя.

Зачем? Какой в этом смысл? Если я сделаю как он говорит, то придется сталкиваться с последствиями. Я не хочу.

Я мотаю головой, но медовый взгляд намертво вцепляется в мое лицо. Широкие черные брови сведены, губы плотно сжаты, и ни единого признака паники или отчаяния. Мы словно переносимся в тренировочный комплекс, и главная проблема — моя неправильная стойка. Как ему удастся держать лицо? Почему он выглядит так, будто все в порядке?

Ответов нет, но бороться с таким напором спокойствия невозможно. Я делаю последний судорожный глоток воздуха, и мышцы расслабляются. Шум в ушах стихает. Грудная клетка все еще дергается рывками, но я могу дышать.



Только двинуться не могу. Взгляд Эрика прибывает к месту. Остается стоять и пялиться на него, пока к горлу неспешно, но уверенно подступают слезы.

Мы потратили столько времени впустую, а теперь нет даже возможности все исправить. Глупо. Несправедливо.

Эрик щурится, всматриваясь в мое лицо. Убедившись, что истерика закончилась, он медленно опускает голову. Его взгляд соскальзывает с моего лица, и у меня не хватает смелости за ним проследить.

Рука Эрика падает с моего плеча и обвивает талию. Только успокоившееся дыхание перехватывает, когда его пальцы выдергивают рубашку из юбки и проскальзывают под ткань, аккуратно поглаживая живот.

Становится невыносимо душно. Кожа покрывается мурашками. Мысли разбегаются из головы, оставляя за собой вязкую пустоту.

От его мягкого движения я начинаю задыхаться. Что он делает? К щекам приливает жар, и я испуганно дергаюсь, распахнув рот.

Эрик не выпускает меня. Его пальцы смещаются выше, бережно поглаживают кожу, оставляя легкие пульсирующие следы от прикосновений. Во рту пересыхает от потемневшего взгляда Эрика. По коже разбегается теплое покалывание. Он поднимает голову и спокойно поясняет:

— У тебя кровь.

Вот бы стена за моей спиной исчезла, позволяя провалиться в неизвестность. Боль внизу живота возвращается в сознание, но ее отгоняют прикосновения и покалывание магии.

Зачем? Какой теперь в этом смысл?

Не дождавшись ответа, Эрик вопросительно сводит брови и наклоняет голову. Цепкий взгляд вытаскивает из меня сильные поддрагивающие слова:

— Немного порезалась.

Эрик дергает уголком рта, криво усмехаясь, и покачивает головой. Рука выскальзывает из-под рубашки и одергивает ее края. На подушечках пальцев остается кровь. Я смотрю, как Эрик растирает ее, и не могу поверить, что все это скоро закончится.

Невозможно. Он смотрит на меня без осуждения, без презрения, без разочарования. Нет больше ни ненависти, ни

высокомерия. В медовых радужках мелькают тоскливые всполохи и что-то еще, упрямо спрятанное за фасадом напускнуго спокойствия.

Нужно больше времени, чтобы разобраться. Какая-то взбесившаяся фальшивая богиня не может отнять у меня такую возможность.

Эрик распрямляется и медленно выдыхает. Он облизывает губы, и этот крошечный секундный жест срывает маску безразличия, а ставший низким голос окончательно выдает его:

— Тея, послушай. Я должен сказать. Мне...

Быстрый укол за грудиной заставляет дернуться. Я рвано выдыхаю и, сглотнув вставший поперек горла ком, нервно восклицаю:

— Нет! — я захлебываюсь криком, а Эрик захлопывает рот, уставившись на меня. — Не надо, Эрик. Не смей со мной прощаться. Не смей, ясно?

Эрик смотрит на меня мучительно долго. Пристально вглядывается в мое лицо, разжигая во мне бесконтрольное желание спрятаться, раствориться, сбежать. Лишь бы не видеть медленное осознание неминуемого в медовых радужках.

Поджав губы, он слегка поводит подбородком и тихо начинает:

— Я понимаю, ты боишься, Тея. Не стоит этого стыдиться. Это нормально.

Что? Да черта с два. Страх во мне сейчас уж точно нет. Я устала бояться.

Вскинувшись, я мотаю головой и сталкиваю ладонь Эрика с плеча, возмущенно заявляя:

— Дело не в этом.

Он не дает мне объясниться, хотя едва ли я смогла бы подобрать правильные слова. Понимающе кивнув, Эрик тяжело вздыхает и пробует еще:

— Никто тебя не винит. Мы все понимали, на что идем. Это был наш осознанный выбор. Не нужно взваливать все последствия на свои плечи. — Его проникновенный взгляд поднимает в груди волну возмущения. — Мы знали, что все может закончиться так.

Да что он несет, музы? Что за чушь? Пытается убедить меня, что каждый из них успел подумать о возможной смерти и просто махнул на это рукой?

Чушь. К пегасам смерть.

Смирение Эрика сквозит во взгляде, в каждом его движении, в каждом звуке. Как он может? Только не он. Он же чертов занудный умник. У него всегда есть правильное решение. План на любой жизненный случай.

Раздражение стискивает ребра, выдавливая из меня злой выдох. Эрик снова тянет ладонь к моему плечу, но я отбиваю ее, с вызовом вскинув подбородок.

— Да с чего ты взял, что это конец? Что за бред? Никто не знает, что происходит...

Его тяжелый вздох заставляет меня захлопнуть рот. Эрик с трудом держит себя в руках — у него дергается щека, и губы сжимаются, — но он продолжает разговаривать со мной, как с неразумным ребенком, отказывающимся признавать неизбежное.

— Закон звучит однозначно, Теодора. Нельзя вернуться из поврежденной книги.

Лучше бы он молчал. Копящееся внутри раздражение переполняет меня, разносясь искрами в сознании, и голос срывается на крик:

— Да к дьяволу эти ваши законы! Кто их написал? На основании чего? — Эрик открывает рот, но я взмахиваю рукой, не позволяя ему вставить слово. — Никто до этого не возвращался? И что? У каждого правила должно быть исключение. Думаю, мы идеально подходим, чтобы стать им.

Я бы говорила не замолкая. Снова и снова повторяла бы одно и то же, пытаясь убедить то ли Эрика, то ли себя, но он не позволяет.

Болезненная гримаса пробивается сквозь маску принятия. Эрик вскидывает руки и, вцепившись в мои плечи, с силой встряхивает. Моя голова дергается, и голос Эрика сипит, а слова вылетают смертельными выстрелами:

— Да оглянись вокруг, Тея! Посмотри. Что ты видишь? Посмотри внимательнее! — Он цепляет мой подбородок и тянет вниз, заставляя взглянуть под ноги.

Дыхание перехватывает. Во рту пересыхает.

Невесомый дым, напоминающий туман, расплзается по всему полу. Такой плотный, что ковра не видно.

Эрик продолжает, добивая каждым звуком:

— Видимо, если книга рвется, смерть наступает мгновенно. А тут мы обречены сгореть или задохнуться. Заперты не в зале, а в книге. Хотя разницы...

Я перестаю различать его речь. Не слышу слов. Уши закладывает, сознание заливают писк. Руки опускаются, и я бы снова сползла на ковер, если бы Эрик меня не держал.

Нет. Все не может быть так. Это ведь система.

Система не должна так работать. Это не имеет смысла.

Горячие ладони обхватывают щеки, заставляя поднять голову. Взгляд едва фокусируется. Лицо Эрика плывет перед глазами, и я отрешенно смотрю, как двигаются его губы, прознося чудовищные фразы:

— Ты можешь уснуть, Тея. — Он сводит брови и пытается перехватить мой взгляд. — Мне хватит сил продержаться тебя во сне, пока все не кончится. Если хочешь...

Под ребрами что-то толкается, разрастаясь, мечется, царапается.

— Что? — Я сдавленно выдыхаю. Он не может говорить это всерьез. Не может. — Ты спятил, Эрик?

Он сглатывает и облизывает губы. Значит, не показалось. Он действительно это сказал. Какого черта? Это просто оскорбительно.

Смежив веки на пару секунд, Эрик открывает глаза и смотрит на меня, тихо проговаривая:

— Я просто не хочу, чтобы тебе было больно.

Слышать такое — не больно? Засыпать, зная, что не проснешься, — не больно? Спрятаться от дыма и огня, зная, что твои друзья обречены из-за тебя, — не больно? Уж Эрик должен понимать, что это не сработает.

Подушечка его большого пальца бережно поглаживает мою щеку, и этот простой жест окончательно срывает с меня бессилие и принятие. Хлопнув Эрика по руке, я толкаю его в плечо и шагаю на него, яростно выпаливая:

— Не хочешь, чтобы мне было больно? Тогда перестань строить из себя всезнающего недотрогу и не позволяй мне снова находить в твоей комнате полураздетых психопатов, когда мы вернемся, а не предлагай такую чушь! Ясно? — Он никак не реагирует, опустив голову, и я снова толкаю его, требовательно переспрашивая: — Ясно тебе?

Эрик не торопится с ответом. Он медленно поднимает подбородок, окидывая меня долгим взглядом. Пара черных кудрей выбивается на лоб. Вымученная улыбка растягивает губы, и он кивает.

— Ясно, Тея. Предельно ясно. Хорошо.

Врет. Он смотрит мне в глаза и врет. Думает, что я спятила и проще согласиться. Все такой же невыносимый высокомерный придурок.

Я собираюсь выпалить все, что думаю, но не успеваю. Эрик приподнимает брови и как ни в чем не бывало уточняет:

— С первой частью все понятно, я учту, но зачем кидаться несправедливыми обвинениями? Я к себе никого не водил, не выдумывай.

Это его сейчас волнует? Я бы сказала, что время не совсем подходящее для выяснения отношений, но нельзя отрицать, что, возможно, другого и не будет.

Потерев онемевшие пальцы, я отвожу взгляд и нехотя поясняю:

— На день рождения Лоры я пришла к тебе, а там была Ева. Она ясно дала понять, чем вы занимались.

Прикусив язык, я захопываю рот, уставившись на серую стену. Зачем я это сказала? Чтобы заливаться теперь краской и сконфуженно поджимать губы?

Тишина в ответ только сильнее смущает. Мог бы не изводить меня идиотским молчанием, а сразу же заявить, что это не мое дело.

— Что? — Вопрос Эрика звучит так честно и искренне, что я осторожно перевожу взгляд на него. Он недоуменно моргает и, поморщившись, повторяет: — Что за бред, Тея? Ты не могла поговорить об этом со мной, а не придумывать пегас знает что?

Как у него все просто. Раз такой умный, мог бы и сам следовать своим советам.

Поморщившись, я скрещиваю руки на груди и с вызовом переспрашиваю:

— Поговоришь с тобой? Отличная мысль. Вспомни, как ты со мной разговаривал.

Совершенно неубедительно, но вариантов у меня не так и много. Большую часть проблем можно решить диалогом, но

мы все так упорно пренебрегаем этим правилом, что нечего о нем и рассуждать.

Издевка светится в медовых радужках. Я чувствую, как неоспоримый аргумент вот-вот сорвется с языка Эрика, но вместо этого он тяжело вздыхает и качает головой.

— Замкнутый круг какой-то. — Осекшись, Эрик морщится и наклоняет голову. — Постой. Так ты поэтому с Марком...

Я не слышу продолжения. Неосознанная мысль вспышкой пролетает в сознании. Я пытаюсь ухватиться за нее и, вскинув голову, выпаливаю:

— Что ты сказал?

Эрик закрывает рот и, облизнув губы, нехотя повторяет:

— Ты поэтому спуталась с Марком?

Грубость пролетает мимо. Поморщившись, я не замечаю напряжения Эрика и выпаливаю:

— Нет. До этого.

Черные брови приподнимаются, и Эрик осторожно протягивает:

— Говорю, это все замкнутый круг. Мы...

Музы, а если в этом все дело?

Новые мысли переполняют сознание, вытесняя из него остальное. Возбуждение сводит пальцы.

Разве это не самое подходящее для безумной системы? Филипп искал истоки книговодства. Что бы это ни значило, нельзя придумать ничего лучше точки, где сходятся начало и конец.

Задыхаясь от своего безумного открытия, я шагаю на Эрика и требовательно спрашиваю, перебив его:

— В какой мы книге?

Карие глаза сужаются. Эрик недовольно цокает и осуждающе поводит подбородком:

— Это самая неизящная попытка сменить тему, Тея. Могла бы просто...

— В какой. Мы. Книге? — с нажимом повторяю я, вцепившись взглядом в лицо Эрика.

Если ему так хочется обсудить отношения, мы сделаем это потом. Сейчас не время. Теперь уж точно.

Эрик распрямляется, поджав губы, и холодно отвечает:

— «Над пропастью во ржи».